

Николай Владимирович Томан

**Что происходит в
тишине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н63

Н63 **Николай Владимирович Томан**
Что происходит в тишине / Николай Владимирович Томан – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 53 с.

ISBN 978-5-458-03306-0

ISBN 978-5-458-03306-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Томан Николай
Что происходит в тишине

Николай Томан

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

Автор опубликованных в этом сборнике приключенческих повестей и рассказов Николай Владимирович Томан родился в 1911 году в городе Орле.

В 1929 году он окончил железнодорожное техническое училище. Работал сначала техником, а затем инженером в железнодорожном депо станции Москва-пассажирская. С 1933 по 1935 год служил в армии.

В 1939-1940 годах Н. В. Томан строевым офицером участвует в освобождении Западной Белоруссии и в войне с белофиннами на Карельском перешейке. Затем служит в частях Закавказского военного округа.

Во время Великой Отечественной войны Н.В. Томан принимал активное участие в разгроме гитлеровских войск под Сталинградом, на Белгородско-Харьковском направлении, в Прибалтике. Награжден орденами и медалями. В дни героической обороты Сталинграда писатель подает заявление о приеме его в ряды Коммунистической партии.

Литературная деятельность Томана началась в 1929 году. В 1933 году вышла его первая повесть - "Машинист Громов" - о железнодорожниках.

В этом сборнике представлены наиболее популярные произведения Томана, написанные им в послевоенные годы: "Что происходит в тишине", "Взрыв произойдет сегодня", "По светлomu следу", "Когда утихла буря", "Загадка чертежей инженера Гурова", "В погоне за Призраком".

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

Командарм анализирует обстановку

Шел дождь, обычный в Прибалтике: мелкий, надоедливый. Ветровое стекло машины покрылось мельчайшим бисером брызг. Беспеременно двигавшиеся по стеклу щетки уже не в состоянии были сделать его прозрачным. Командарм поднял воротник кожаного пальто и надвинул на глаза генеральскую фуражку. Казалось, он погрузился в дремоту, забыв о генерале Погодине, которого специально взял в свою машину. Погодин догадывался, что предстоит серьезный, скорее всего, неприятный разговор, и терпеливо ждал.

Командарм, пожилой, полный, даже, пожалуй, несколько тучный человек; всегда удивительно бодрый и не по годам подвижной, всей своей крупной, ссутулившейся теперь фигурой выражал крайнюю степень усталости. Погодин знал до мельчайших подробностей

распорядок его дня, из которого совершенно исключалось время на отдых. "Наверно, лишь в эти часы переездов из одной дивизии в другую, с одного фланга армии на другой ухитряется он отдохнуть", подумал Погодин.

Но едва мелькнула эта мысль, как командарм, не поворачиваясь к Погодину, сказал густым, низким голосом:

- Думаешь, наверно, что заснул старик? Нет, я не сплю... Неважный выдался денек сегодня. Что ты на это скажешь?

И опять последовала пауза, длинная, томительная, Погодин знал характер командарма и не спешил с ответом.

Машина, подпрыгивая на стыках щитов, катилась лесной просекой по узкой колее дощатого настила. По бокам мелькали, будто отлитые из бронзы, мощные стволы сосен. Впереди двигалась автоколонна с реактивными снарядами. Сзади наседали три тяжело нагруженных "ЗИСа". Машина генерала была зажата между ними и не имела возможности выскочить вперед даже на разездах.

Командарм, всегда требовавший от своего шофера непременно обгона попутных автомашин, сегодня, казалось, даже не замечал, что его машина не может вырваться на свободную дорогу.

- Так вот, - после долгого молчания сказал наконец командарм, - любопытно мне, генерал, твое мнение о причине неуспеха нашей сегодняшней операции.

Погодин по-прежнему молчал. Он знал, что командарм не станет выслушивать его мнение, прежде чем не выскажет своего. Погодин давно привык к такой манере командарма развивать свою мысль.

- Не кажется ли тебе странной быстрота, с которой противник успевает подтягивать свои резервы в направлении нашего главного удара? - снова спросил командарм.

Замолчав, будто ожидая ответа, он принялся старательно протирать потное ветровое стекло. Потом решительно повернулся к Погодину и продолжал, понизив голос:

- А теперь слушай меня внимательно. Если искать объяснение нашему сегодняшнему неуспеху, его нетрудно найти. Мы начали стремительную атаку, но не смогли выдержать ее темпа. В результате наметившийся у нас прорыв тактической глубины обороны противника так и не получил развития.

Машина дрогнула и остановилась, но командарм даже не обратил на это внимания. Он продолжал все тем же негромким, спокойным голосом развивать свою мысль:

- Тут, конечно, возникает вопрос: почему? А потому, что противник успел подтянуть имевшиеся у него резервы. Вот тебе и объяс-

нение. Оно формально вполне приемлемо и достаточно убедительно. Однако если мы посмотрим глубже, генерал, если постараемся не только оправдаться перед начальством, но и самим себе объяснить создавшееся положение, то дело примет несколько иной оборот. Так ведь?

- Так, - отозвался Погодин, глядя через плечо шофера, как впереди трогаются с места застрявшие было машины.

- Да, дело примет иной оборот...-задумчиво повторил командарм. - Окажется, например, что противник чересчур уж ретиво ринулся на парирование нашего удара. Скажу более: он ринулся с такой поспешностью, будто заранее знал об этом ударе. И знаешь, что во всем этом самое удивительное?.. - Командарм опять повернулся в сторону Погодина. Прищурившись, испытующе посмотрел ему в глаза и добавил, снова понизив голос: -Самое удивительное заключается в том, что заслон противника был рассчитан на парирование удара по меньшей мере трех корпусов, тогда как мы действовали всего лишь одним корпусом. Странно это, генерал?

- Странно, - согласился Погодин. - А почему странно? Да потому, что мы первоначально в самом деле намеревались действовать тремя корпусами и лишь в самый последний момент изменили это решение. Не кажется ли тебе, что противник каким-то образом узнал о наших первоначальных планах?

- Да, кажется.

Щитовая колея дороги кончилась, начался жердевой настил. Машина сразу вдруг запрыгала, затряслась мелкой дрожью. Разговаривать стало трудно, но командарм продолжал:

- И это не может не казаться подозрительным, ибо все крупные действия на фронте подчинены строгой закономерности. Как бы ни хитрил противник, что бы ни предпринимал в масштабе армии, я всегда найду этому объяснение. Мелкая часть, до батальона включительно, может менять дислокацию, перегруппировываться, наступать, отступать или обороняться - этому не сразу найдешь причину. Тут может быть много случайного. Но когда шевелятся дивизии, когда противник перемещает корпуса, я не могу не догадаться о причинах, которые вызвали подобные действия.

Машина подошла к штабу гвардейской дивизии и остановилась. Пока начальник штаба, предупрежденный дежурным, шел встречать командарма, тот закончил свой разговор с Погодиным.

- Короче говоря, генерал, - сказал он, - я подозреваю, что на сей раз противник располагал точной информацией о наших намерениях. Твоя задача-выяснить источник этой информации. Чем скорее ты

это сделаешь, тем лучше.

В маленьком домике

Капитан Астахов подошел к окну. По узкой, протоптанной через запущенные огороды тропинке шла Наташа Кедрова. Она пересекла уже небольшую полянку перед окнами дома, из которого наблюдал за ней капитан, и остановилась возле доски, где вывешивались свежие сводки Совинформбюро.

- Похоже, капитан, что вы равнодушны к Кедровой, - усмехнулся стоявший позади капитана майор Гришин, начальник Астахова.

- Неужели похоже? - удивился Астахов.

- Да, очень.

- Она и в самом деле меня интересует. В ней есть что-то такое... и в характере и во внешности. Обратили вы внимание на ее лицо? Я не художник, но мне кажется, что в нем есть удивительная четкость и законченность линий.

- Ого, как вы ее разрисовываете! - засмеялся Гришин. - Уж не влюблены ли?

Астахов сдвинул брови, поморщился и заметил холодно:

- Положительно не понимаю, почему нужно быть обязательно влюбленным в женщину, которая вас чем-нибудь интересует. Может быть, вы объясните?

- Мне нравится, товарищ Астахов, ваше серьезное отношение ко всему, но то, что вы не понимаете шуток, право, досадно, - по-прежнему продолжая улыбаться, заметил Гришин.

- Таких шуток я действительно не понимаю, - упрямо повторил Астахов.

- Ну хорошо! - Резким движением мускулов согнав с лица улыбку, майор сказал уже совершенно серьезно, почти официальным тоном: - Не будем больше говорить об этом. Однако любопытно, чем же заинтересовала вас Кедрова?

Астахов видел, как Наташа, прочитав сводку, быстрой, легкой походкой прошла мимо домика, в котором он жил и работал вместе с майором Гришиным. Когда она скрылась за углом соседнего сарая, капитан отошел от окна и сел за стол против Гришина.

- Вы хотите знать, чем заинтересовала меня Кедрова? - спросил он. - У меня к ней, видите ли, профессиональный интерес.

Майор удивленно поднял брови.

- В ее поведении, да, пожалуй, и в характере много непонятного для меня, продолжал Астахов. - И вот я хочу понять, разгадать, вернее, даже решить это непонятное, как решил бы математик

неожиданно попавшуюся ему сложную алгебраическую задачу.

Майору стоило больших усилий сдержать улыбку, но он сдержал ее и сказал наставительно:

- Математика - слишком абстрактная наука, нам же приходится иметь дело с явлениями очень конкретными.

- Это так,-согласился Астахов, - но и в нашем труде и в труде математика есть много общего. Как ему, так и нам приходится иметь дело с неизвестными величинами.

Гришин не любил теоретических споров. Он не имел такого образования, как Астахов, пришедший в армию с последнего курса физико-математического факультета, и ему нелегко было тягаться с ним. Майору казалось даже, что широкая образованность Астахова толкает его на поиски отвлеченных сравнений, отрывает от жизни. Математика же и физика, которые изучал Астахов в университете, представлялись Гришину не применимыми в их практике. Во всяком случае, до сих пор он лично вполне без них обходился.

"Вот если бы Астахов работал шифровальщиком, тогда познания его в математике пригодились бы, конечно..."-уже не в первый раз подумал Гришин о своем помощнике, но раздавшийся телефонный звонок прервал его мысли. Майор снял трубку.

Офицеры штаба армии обычно избегали в телефонных разговорах называть фамилии и звания старших начальников, однако по тону голоса Гришина, по тому, как он невольно выпрямился, Астахов догадался, что майор разговаривает с генералом. Ответы Гришина были предельно лаконичны.

Разговор длился не более нескольких секунд.

Положив трубку на рычажок телефонного аппарата, майор сбросил на плечи шинель.

- Собирайтесь, товарищ Астахов, - сказал он. - Генерал вызывает.

- Что взять с собой?-спросил капитан.-Какие сведения? Он ведь не любит, когда к нему являются с пустыми руками.

- Как мне кажется, -заметил майор, - на этот раз ему понадобятся такие сведения, которых у нас с вами нет и добыть которые будет нелегко.

Генерал ставит задачу

Разговор с командиром долго не давал покоя генералу Погодину. Он и сам все эти дни был встревожен положением на фронте, теперь же обстановка казалась ему почти угрожающей.

Из опыта боев Погодину было известно, что пехотные дивизии неприятеля, снятые с других участков обороны, появлялись в районе

прорыва через один-два дня. Более быстрое появление их не могло не вызвать подозрений. При такой значительности масштаба операций случайность действий противника исключалась. В этом командарм был прав.

Приходилось допустить, что противник получал откуда-то информацию о намерениях армейского командования.

Генерал Погодин много лет боролся с разведкой противника и в совершенстве изучил повадки ее агентуры. Он знал, что многое в приемах врага повторялось, но никогда не подходил к решению той или иной задачи с предвзятым мнением. Напротив, он твердо был уверен и всякий раз убеждался в этом, - что даже самый шаблонный ход неприятельского агента неизбежно заключал в себе элементы нового, типичного для создавшейся обстановки. Это умение угадывать новые детали в старых приемах вражеских разведчиков почти всегда обеспечивало ему победу.

Погруженный в размышления, задумчиво прохаживался генерал Погодин по небольшой комнате сельского здания, приспособленно для его штаба, когда адъютант доложил ему:

- Майор Гришин и капитан Астахов.

- Пусть войдут.

Разрешиив вошедшим офицерам сесть, генерал, очень дороживший временем, тотчас же приступил к существу дела.

- Вы знаете, - сказал он, - что система работы штаба армии построена так, что штабные офицеры разных отделов обмениваются информацией только по крайне необходимым вопросам. Когда же командованием ставится серьезная оперативная задача, в разработке ее участвует еще более ограниченный круг лиц. К числу их относятся лишь немногие старшие офицеры управления армии.

Погодин внимательно посмотрел на своих подчиненных. Они слушали его сосредоточенно, но генерал хорошо понимал, что на каждого из них слова его оказывают различное воздействие. Гришин, например, прямолинеен, его аналитические способности невелики, однако он незаменим в проведении операций. Вряд ли предложит он оригинальное решение, зато выполнит уже готовый план безукоризненно. Капитан Астахов неуравновешен и слишком доверчив, не обладает выдержкой Гришина, но зато имеет четкую логику мышления и отличается большой самостоятельностью.

- И вот однако ж, - продолжал Погодин, - несмотря на все принятые меры секретности, противник каким-то образом получил информацию о разработке последней нашей операции. Как он это сделал, я не знаю, но мы обязаны узнать источник его осведомленности в

самое кратчайшее время. За всю нашу работу это первый случай, и он должен стать последним.

Генерал достал из стола ящик с папиросами, предложил закурить.

- Достаточно ли хорошо знаете вы офицеров и вообще весь личный состав, имеющий доступ к оперативным документам штаба?-спросил он после непродолжительной паузы.

- Полагаю, что достаточно, - ответил Гришин.

- А я бы не осмелился на вашем месте отвечать так уверенно,- строго заметил генерал,-ибо самые обстоятельные знания о любом предмете, а тем более о человеке никогда не бывают исчерпывающими. Короче говоря, нужно еще раз присмотреться к людям, присмотреться, отбросив предвзятое мнение, будто вам все о них известно.

Логика капитана Астахова

Капитан Астахов долго не ложился спать в эту ночь. Он сидел за своим маленьким, шатким столиком и чертил на листе бумаги какие-то замысловатые геометрические фигуры. Он делал это совершенно бессознательно, по давнишней привычке чертить или рисовать что-нибудь в часы напряженных раздумий. Ему всегда казалось, что такое занятие способствует плавному ходу мыслей, но сегодня и это не помогало.

Генерал предлагал еще раз присмотреться к штабным офицерам, вместе с которыми Астахов воевал вот уже четвертый год. Капитан наблюдал их изо дня в день и знал достаточно хорошо. Он был глубоко уверен, что здесь, на фронте, все познается быстрее и глубже, чем в любых других условиях. Астахов знал не только служебные качества каждого из этих людей, но и черты их характера. Не все они были достаточно хорошо образованны, не все одинаково талантливы, но все были подлинно советскими людьми. В этом у капитана не было никаких сомнений.

Прикидывал он и так и этак, но вера его в людей оставалась непоколебимой, а задачу все-таки нужно было решить. От ее решения зависела не только судьба этих людей, но может быть, и судьба армии.

Бесплодно просидев до двух часов ночи, Астахов в начале третьего решил лечь спать. Он потушил свет и долго лежал с открытыми глазами. Ночь была тихая. Лишь изредка рокотали ночные бомбардировщики "По-2", направляясь к переднему краю, да с нудным гудом рыскал где-то неподалеку фашистский ночной охотник, высматривая машины с зажженными фарами. Иногда в районе желез-

нодорожной станции глухо ухали тяжелые зенитки.

А сон все не шел. Голова продолжала лихорадочно работать. Лишь несколько успокоившись, Астахов стал рассуждать хладнокровнее. Отбросив все случайное, мешающее сосредоточиться, он решил несколько сузить свою задачу. Для него все время было бесспорно, что никто из офицеров штаба армии не мог быть прямым или косвенным источником информации врага. Исчезновение подлинников было маловероятным. Оставалось предположить, что каким-то образом исчезали из штабов и попадали к противнику оперативные документы в виде черновиков или копий.

Прежде чем ломать голову над тем, как могли черновики или копии документов исчезать из штабов, Астахов решил установить, какой из оперативных документов был особенно важным, может быть, даже собирательным, заключающим в себе весь замысел командования.

Капитан хорошо знал порядок работы штабов и имел ясное представление обо всех основных документах, изготавлиющихся при разработке операции. Из всего многообразия этих документов он выделил два основных вида: письменный и графический. В первом противника могло интересовать далеко не все, ибо в нем было много зашифрованных сведений, разобраться в которых было нелегко. Зато второй вид документации - карты и схемы - был более ценен, ибо в них перечислялись части, участвующие в операции, районы их сосредоточения и маршруты следования. Графический язык карт был лаконичен, ясен и прост. Он мог бы открыть врагу почти исчерпывающие данные. К тому же карта большей частью являлась первым, а иногда и единственным документом, на котором запечатлевался замысел командования.

Остановившись на том, что именно оперативная карта представляла основной интерес для противника, капитан стал размышлять, каким же образом она могла попасть к нему. Он слишком хорошо знал, как строго учитывается каждый изготовленный экземпляр оперативного документа, как уничтожаются черновики секретных бумаг. Оперативные же карты, вообще не имеющие черновиков, немедленно нумеруются и регистрируются как совершенно секретные, так что незаметное исчезновение их просто немислимо.

Капитан Астахов дошел в своих размышлениях до этого пункта, но дальше так и не смог продвинуться.

В пятом часу утра пришел откуда-то майор Гришин. Не зажигая света, он быстро разделся и лег спать. Капитан Астахов не имел обыкновения расспрашивать своего начальника о том, куда он ходил,